

**Отзыв официального оппонента, доктора философских наук, доцента,
профессора факультета гуманитарных наук
«Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ «ВШЭ») Поруса Владимира Натановича
на диссертационную работу Столяровой Ольги Евгеньевны
«Возвращение метафизики как предмет исторической онтологии»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности 5.7.1 – Онтология и теория познания
в совет 24.1.143.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук / на соискание ученой степени доктора наук
на базе федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии Российской академии наук**

Война с метафизикой своими корнями уходит в почву философской истории Нового времени. Еще недавно казалось, что она завершилась если не разгромом метафизики, то ее элиминацией из поля актуальных философских проблем. Но в настоящее время, по-видимому, она вступила в фазу, которую можно было бы *sum grano salis* назвать мирными переговорами, успех которых не гарантирован. Эта фаза, длящаяся уже не один десяток лет, явно затянулась. В процессе переговоров стороны часто меняют свои позиции до неузнаваемости, что вносит новую неразбериху: устранены ли реальные причины конфликта, при каких условиях возможно возобновление боевых операций, какую роль в этих переговорах играет современная наука?

Назрела необходимость распутать этот клубок проблем. О. Е. Столярова, взявшаяся за эту задачу, взяла на себя нелегкую ношу. Безусловно, успех попытки стал бы вехой в развитии современной онтологии и теории познания. Актуальность исследования не вызывает сомнения.

В таких ситуациях обычно начинают с определений основных терминов, участвующих в запутанном и сложном дискурсе. Диссертантка так и делает. Начав с истории проблемы, которая уже вошла в хрестоматии и учебники, она переходит к современным трактовкам метафизики, ибо только на их основе можно говорить о «возвращении» последней в сферу продуктивных философских исследований. Стержнем этих трактовок является т.н. «*онтологический поворот*»: философы возвращаются к условиям, при которых возможно «объективное» знание, обращенное к «реальному миру». Суть этой старой *метафизической* проблемы очевидна: каким образом можно говорить о «реальности» как основании знания, если сама эта «основность» должна *обуславливать* знание, полученное в опыте? Другими словами, «новая метафизика желает соединить в себе, метафорически выражаясь, воду и масло, а именно, две взаимно исключают друг друга методологии, – научную методологию, ограничивающую реальность данным, и традиционный философский поиск внешних оснований нашего опыта и знания, независимых от нашего опыта и знания» (с. 8). Так же очевидно, что это желание было бы неосуществимым, если бы обе методологии не были переосмыслены. «Философский поиск» должен опереться на новую традицию, а научная методология должна выйти за рамки узкого эмпиризма, внести новое содержание в то, что называют «данными».

Попыткам такого переосмысления и посвящена диссертация. Прежде всего надо ответить на простой, но таящий в себе толику яду вопрос: не являются ли такие попытки *псевдопроблемами*, каких немало в философии и не только в ней? Нет, не являются, утверждает диссертантка. Так называемое «возвращение метафизики» есть факт современной истории философии, и его нужно объяснить. И неубедительно объяснение, по которому отказ от метафизики и новое ее принятие суть лишь зигзаги

философствующей мысли, путешествующей по своему хотению без какой-либо детерминации.

Действительно, какой из этих зигзагов лучше другого? Если «реальность» есть то, что о ней говорит наука и только она, то задача философии сводится к выяснению условий истинности сказанного. Но наука, по ходу своего развития, говорит о «реальности» очень разные вещи. Означает ли это, что философия должна менять свои суждения об условиях истинности научных высказываний о «реальности» в зависимости от перемен, происходящих в самой науке? Тогда были бы правы те, кто отрицают надобность в философии; наука была бы «сама себе философия» и не нуждалась бы ни в каком ином обосновании своих претензий. И факт «возвращения метафизики» превратился бы в недоразумение, возникающее из-за многозначности термина, или в странную прихоть «научного разума», пожелавшего пофилософствовать, соскучившись в прозаических рамках опыта и логики. Впрочем, ведь и сам эмпиризм есть философская метафизика, отказавшаяся от онтологической проблематики. Ее можно не замечать, как не замечают старую рухлядь на антресолях, пока не настает момент, когда она оказывается зачем-то нужной.

Итак, приходится признать, что «возвращение метафизики» есть не зигзаг, не бегство от скуки, а удовлетворение важной потребности и для науки, и для философии. Нужно выяснить и объяснить эту потребность, снимая напряжение оксюморона: новая метафизика, опираясь на науку и ее результаты, пытается объяснить познание, выходя за пределы познания.

На вооружение берутся два принципа: *контекстуализм* и *историзм*. Первый утверждает необходимость теоретических предпосылок опыта, образующих контексты интерпретации, без которой фактов вообще нет, а есть только нагромождение бессвязных регистраций. Второй настаивает на изменчивости этих контекстов и «подчеркивает необходимость их ретроспективного анализа для понимания динамики научного познания и рациональности в целом» (с. 15). Под «теоретическими предпосылками» опыта понимаются системы убеждений, ценностных и мировоззренческих установок, верований, предшествующих опыту и наполняющих его «осмысленным содержанием». Это решительный момент. Важно отличать эти априорные условия содержательности опыта от кантовых априорных трансцендентальных структур. Дело не только в том, что первые *содержательны* (с. 16), а в том, что их содержание *изменчиво*, т.е. смыслы, сообщаемые ими опыту, меняются в зависимости от исторических перипетий познания. Так трансцендентальный субъект обретает живую, а значит парадоксальную плоть, проклевывая кантову скорлупу априоризма. А для выхода из парадокса необходима «философская метарефлексия» (важный термин, специфицирующий методологию диссертации): это размышление над ходом мысли, приводящим (или уводящим!) к метафизике.

Диссертантка, следуя сложившейся в мировой литературе традиции, называет это «*регрессивно-трансцендентальным аргументом (РТА)*», указывающим на поступательно-возвратное движение от осмысленного опыта к предпосылкам осмысления и затем снова к опыту, в котором происходит сверка (фальсификация или верификация) полученных результатов с новыми данными, взятыми в их возможной систематизации. В этом движении, которое диссертантка, пожалуй, неосмотрительно назвала «круговым», осуществляется «историзация онтологии» одновременно с «историзацией эпистемологии»: трансцендентальный субъект возвращается в реальный мир именно потому, что историческому изменению подлежит сама его трансцендентальность.

Историчность онтологии (читай, метафизики!) описывается по-разному: от идей «фундаментальной онтологии» М. Хайдеггера и связывания онтологических конструкций с особенностями научной практики П. Галисона до понятийного аппарата «нового реализма», балансирующего между «научным» и «метафизическим» реализмами (Р.

Харре, Я. Хакинг, У. Селларс, Р. Бхаскар, К. Мейясу и др.). Новизна этого реализма в том, что его «научность» в конечном счете зависит от метафизических допущений, а «метафизичность» опирается на фундамент научных положений. И обе эти взаимозависимости осуществляются в исторически изменчивых контекстах, обуславливающих их собственную изменчивость.

Это и есть демонстрация работы принципов контекстуализма и историзма при решении вопроса о возможности и необходимости «возвращенной метафизики». Совместное действие этих принципов, должно, как считает диссертантка, открыть особую эпистемологическую перспективу, т.е. возможность решения вопросов о происхождении знания, в частности, *научного*, эмпирического знания. Особость заключается в том, что в систему предпосылок, позволяющих конструировать знание, включаются не только теоретические или смысловые компоненты, но и факторы, образующие, так сказать, «питательную почву», из которой эти компоненты произрастают: процессы социального взаимодействия, экономические потребности, технические средства, практические обстоятельства и т.п. Здесь происходит взаимная диффузия, сращивание когнитивных и средовых (культурных) факторов, стирание границ между интерналистским и экстерналистским подходами к проблеме эволюции знания. Но за это приходится платить по большому счету: со всей остротой встает старая проблема истинности и объективности знания. И если согласиться, что эта проблема не может вообще рассматриваться вне действия упомянутых принципов, то не приходится ли признать, что открытая таким способом перспектива эпистемологии, а значит и онтологии, уводит философию к неизбежному релятивизму?

А так ли это опасно? Может быть, релятивизм пока еще остается нежелательным, поскольку иные (онтологические и эпистемологические) понятия, составляющие канву философского анализа, не переосмыслены так, чтобы придать иной, приемлемый смысл этой старой страшилке философов, грезящих о бесконечном приближении к идеалам истины и совпадения знания со своим объектом?

Диссертантка настроена оптимистично в этом отношении. Она полагает, что в возвратно-поступательном движении от предпосылок к опыту и назад, к критике этих предпосылок, содержится ключ к новому философскому сооружению, в котором метафизика, преобразенная самим этим движением и освобожденная от пут абсолютности и неизменности, займет подобающее ей место. И мирный договор между научной методологией и методологией поиска и исторического изменения предпосылок познавательного процесса будет подписан.

Каково значение этого договора? Оно характеризуется не только чисто историко-философским интересом к любопытному феномену: метафизика, казалось бы, навсегда изгнанная из «рациональной философии», возвращается в нее, сменив понятийные оболочки, но сохранив обращение к сверхопытной реальности как конечной причине познавательного опыта. За этим феноменом стоит теоретический вопрос о содержании и форме философского реализма. «Возвращение метафизики» может быть истолковано двояко: либо реализм заключается в том, чтобы искать условие возможности познавательного опыта «в мире, а не в субъекте» (с. 43), либо (опять-таки!) «реалистически» признать, что эти необходимые предпосылки порождаются культурно-исторической практикой. Если толковать эту двоякость как неразрешимую дилемму, само понятие «реализм» поражается безысходным противоречием. Следовательно, сказал бы я, это не дилемма, а реализованная дополнительность (в смысле известного принципа Н. Бора). Диссертантка проходит мимо такой трактовки, может быть, потому что так увлечена идеей «РТА», сохраняющей связь с трансценденталистской философской традицией.

Замечу, что боровская идея не противоположна трансцендентализму, а вносит в него новое содержание. В свое время Бора критиковали за то, что он полагал принцип

дополнительности единственно возможным ключом именно к пониманию квантовой реальности. Критики же ошибочно принимали дополнительную лишь за методологический прием описания, имеющий чисто инструментальное значение. Сам Бор видел в этом принципе необходимую связку между онтологией и эпистемологией и предсказывал его распространение на исследовательские сферы и за рамками квантовой физики. Я думаю, что он был прав. И в случае с «реализмом», т.е. с его философской трактовкой, применение принципа Бора вполне могло бы стать рабочей гипотезой.

Следуя своим путем, диссертантка обосновывает выбор в пользу «ретроактивного реализма» возможностями, открываемыми «исторической онтологией», которую она почему-то называет *альтернативой* исторической эпистемологии. Я не вижу здесь альтернативности: историзация онтологии неразрывно связана с историзацией трансцендентализма (я бы сказал сильнее: это взаимообусловленные процессы, постоянно переходящие друг в друга!). Это спорный момент. Мне представляется, что здесь диссертантка отчасти изменяет принципу историзма, который, как сама же она утверждает, имеет универсальное значение для всего ее исследования.

Понимание «исторической онтологии» восходит к работам М. Хайдеггера, М. Фуко, П. Галисона и Я. Хакинга, в которых человеческая практика трактуется в исторически изменчивых онтологических контекстах. Это ведет к т. н. «новому реализму», в котором как будто примиряются и даже сливаются аналитическая (ориентированная на эмпирические науки и формальную методологию) и «континентальная» (объединяющая трансцендентализм с герменевтикой и методологией гуманитарного знания) традиции. По выражению диссертантки, «новый реализм балансирует между научным и метафизическим реализмами» (с. 33). Протагонистами «нового реализма» выступают многие современные авторы – от Р. Харре до Г. Хармана и К. Мейясу. Справедливости ради заметим, что «балансирование» между позициями этих и ряда других авторов иногда действительно приближается к цирковому мастерству. Слишком уж бывают различными их исходные тезисы и даже цели их исследований. Но общее между ними действительно есть: это стремление к ретранскрипции основных терминов, выражающих эпистемологические и онтологические смыслы.

Диссертантка видит в этом альтернативу априоризму, лежащему в основе кантовой «коперниканской революции». С этим можно согласиться, однако, следует заметить, что принятие этой альтернативы требует дальнейшего пересмотра эпистемологических ценностей – истинности и объективности, которые рискуют превратиться в чисто конвенциональные условия приемлемости тех или иных научных положений. Другими словами, приступая к реформе, именуемой «историзацией онтологии» вкупе с «историзацией эпистемологии», нельзя останавливаться на полпути. Но нужно понимать, куда ведет этот путь, что ожидает философию на важных его этапах.

Оппонент обязан отметить моменты, заслуживающие критики. Критика бывает разной. Если критически отнестись к основным идеям диссертации, это стало бы темой обширной полемики. Но в этом достоинство диссертации: она не оставляет читателя равнодушным, а иногда прямо вызывает на спор, в котором, можно надеяться, родятся какие-то новые идеи. Некоторые полемические замечания в этом направлении высказаны выше.

Если под критикой понимать указание на недостатки, то можно сделать несколько замечаний частного характера. Например, называя основных авторов, развивавших «тематический» анализ эволюции науки, диссертантка почему-то упустила из виду Дж. Холтона, внесшего заметный вклад в этот анализ. Говоря о теоретических установках постпозитивизма, включающих интерес к «контексту открытия» и исторической динамике научного знания, она несколько поспешно называет их «культурным релятивизмом», хотя этот ярлык правомерен только при определенной интерпретации таких установок и

следующих из них выводов; возможны и другие интерпретации, когда ярлык был бы излишним.

Мне показалось также, что диссертантка зачастую излишне противопоставляет «онтологическую» и «эпистемологическую» проблематики. Но это уже выходит за рамки частных придинок и переводит рассуждения в план теоретической дискуссии.

Оценивая диссертацию в целом, скажу, что это серьезное и многообещающее исследование. Оно не только обобщает огромный материал, накопленный мировой философией по мере осмысления такого важного феномена как «возвращение метафизики», но и намечает новые перспективы его понимания. Это созвучно требованиям современной науки, в которой остро стоит вопрос о создании новой «картины мира» и определении места человека в ней. Диссертантка проявила завидную эрудицию и незаурядную решимость, взявшись за проблему, затрагивающую практически все «болевы точки» современной философии познания и философии науки.

Положения, выносимые на защиту, достаточно обоснованы и содержат элементы научной новизны.

Идеи диссертации прошли достаточную апробацию и хорошо известны научному сообществу. Ее основное содержание отражено в достаточном числе публикаций. Можно надеяться, что оно вскоре станет составной частью учебных курсов по онтологии и теории познания, а также по философии науки. Несомненно, что научные результаты диссертации будут неоднократно обсуждаться в современных научных и философских дискуссиях, обозначая точки роста их значимости.

Диссертация «Возвращение метафизики как предмет исторической онтологии» представляет собой оригинальное завершённое научно-квалификационное исследование, обладающее новизной и научно-практической значимостью, она соответствует критериям пунктов 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., а ее автор, Столярова Ольга Евгеньевна, заслуживает присвоения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.1 – Онтология и теория познания.

Официальный оппонент:

Доктор философских наук
(09.00.01 // 5.7.1 – Онтология и теория познания),
доцент, профессор школы философии и культурологии
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школы экономики» (НИУ «ВШЭ»)

19 января 2022 г.

Порус Владимир Натанович

Сведения об организации: ФГАОУ ВО
«Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ
«ВШЭ»)

Подпись заверяю

24. 02. 2022

СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРОВОМУ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВУ
ОТДЕЛА КАДРОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ
ПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА
З.А. ПОХИЛОВА

Web-сайт организации: www.hse.ru

Почтовый адрес: г. Москва 101000, ул. Мясницкая, д. 20

Email организации: hse@hse.ru

Телефон: (495) 771-32-32

Email оппонента: vporus@rambler.ru

Телефон оппонента: +7 9031121043

С перечнем публикаций оппонента В.Н. Поруса можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=72448